

Д. Д. Нимаев

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА БУРЯТ

Происхождение бурят — одна из сложнейших проблем этногенеза народов Сибири. Этот сюжет привлекал внимание многих исследователей, однако некоторые его аспекты и поныне остаются недостаточно разработанными и спорными. Предлагаемая статья ставит своей задачей познакомить с современным состоянием изучения этногенеза бурят. Данная проблема включает два основных вопроса. Первый — какие этнические группы приняли участие в этногенезе бурят, второй — когда завершился этот процесс и сформировалась бурятская народность. Хотя эти вопросы тесно взаимосвязаны, рассматривать их лучше в отдельности. Остановимся на первом.

Первые гипотезы о происхождении бурят появились еще в XVIII в.¹ В работах того времени прежде всего обращалось внимание на большое сходство внешнего облика, языка и предметов быта бурят и калмыков. В результате сформировалась «миграционная теория», исходящая из предположения, что буряты являются ответвлением калмыков (или монголов) и появились в Прибайкалье в XI—XIV вв., оттеснив при этом на север тюркоязычные племена — предков якутов. Эта концепция в разных формах господствовала в научной литературе до начала XX в.²

Впервые наиболее решительно против нее выступил А. П. Окладников. В 1937 г., дав в своей работе обстоятельную критическую оценку предшествующим теоретическим концепциям по этногенезу бурят, он пришел к выводу, что прошлое бурят сложнее и богаче, чем это казалось сторонникам теорий «о бегстве якутов и нашествии бурят». На основе подробного анализа фольклора бурят А. П. Окладников сделал заключение об автохтонном происхождении основного массива бурятской народности³. Вместе с тем он считал, что выводы из анализа «мифов и

¹ Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства и всех происходящих в нем дел. СПб., 1750; И. Фишер. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774; П. С. Паллас. Путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. 3. СПб., 1788; И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. 4. СПб., 1799.

² См., например: М. Н. Богданов. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1926; А. Турунов. Прошлое бурят-монгольской народности. Иркутск, 1922; Н. Н. Козьмин. К вопросу о времени водворения бурят около Байкала (см. в кн. М. Н. Богданов. Указ. раб., с. 17—27); его же. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. Москва — Иркутск, 1934; Б. Б. Баррадин. Бурят-монголы. Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности. — «Бурятияведение», 1927, № 3—4, Верхнеудинск, с. 39—52; В. И. Сосновский. К вопросу об образовании бурятской народности. — «Бурятияведение», 1928, IV (8), с. 97—106; Б. Б. Бамбаев. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа. — «Бурятияведение», I—II (9—10), 1929, с. 115—132; П. Т. Халтаев. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа, в. 1. Улан-Удэ, 1936.

³ А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937, с. 272—281.

тому подобных идеологических остатков» в культуре народа могут считаться полностью доказательными лишь в сочетании с изучением вещественных памятников той территории, где сложились рассматриваемые фольклорные мотивы. По его мнению, результаты проведенных археологических работ позволяют создать интересную, хотя и далеко еще не полную картину последовательной смены этапов развития материальной культуры и форм быта бурят и проследить преемственную связь их культуры XVII в. с культурой неолитического населения Прибайкалья. Формирование бурятской народности, заключает он, в целом можно представить как результат развития и объединения конгломерата разнородных этнических групп, стоящих на стадии патриархально-родового общества, прошедших длительное развитие здесь же в Приангарье и на Лене, причем монгольские группы оказались гегемоном. Однако подобное утверждение, не выходящее, по словам ученого, за пределы «вероятной гипотезы», должно быть подтверждено новыми документами⁴.

Позднее А. П. Окладников высказал мнение, что первые монголоязычные племена появились в Прибайкалье лишь в XI в. Основанием для этого утверждения послужили материалы Сэгэнутского могильника, обнаруженного им на Верхней Лене в устье р. Манзурки. Погребальный ритуал могильника, как показал А. П. Окладников, имел близкие аналогии с погребениями железного века на Селенге у с. Зарубино, раскопанными Г. Ф. Дебецом и датированными им XI—XII вв.⁵ Г. Ф. Дебец считал, что эти погребения оставлены монгольскими племенами, пришедшими с востока⁶.

Рассмотренный материал характеризует, по мнению А. П. Окладникова, культуру, резко отличную от так называемой курумчинской культуры (VI—X вв.), носителями которой были, как он доказал, курыканы орхонских надписей, или гулиганы китайских летописей. Тюркская принадлежность курыкан подтверждается прежде всего памятниками их письменности, а также тем, что они в танское время входили в состав уйгурской этнической группировки. Общее содержание и стиль наскальных изображений у курыкан, отдельные предметы их материальной культуры, как показал А. П. Окладников, также близки к тюркским⁷.

Следовательно, Сэгэнутский могильник, считал А. П. Окладников,— прямое свидетельство происшедшей здесь в X—XI вв. замены тюркско-курумчинцев новыми племенами монгольского происхождения, родина которых, по всей вероятности, лежала к востоку от Селенги, в долине Онона и Керулена, около оз. Буир-Нор. Эта гипотеза, по его словам, подтверждалась и письменными источниками. «Последние свидетельства,— писал он,— что этнические перемещения в странах, соседних с Байкалом, совершившиеся задолго до возвышения Чингиса, были результатом еще более обширных по масштабам и последствиям перемещений племен Центральной Азии, о которых сообщают писатели мусульманского средневековья»⁸.

Подтверждением этого вывода могут служить, по мнению А. П. Окладникова, также некоторые оригинальные рисунки на Шишкинских

⁴ Там же, с. 281—285, 301.

⁵ А. П. Окладников. История Якутской АССР, т. 1. М.—Л., 1955, с. 321, 322; *его же*. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье.— «Филология и история монгольских народов». М., 1958.

⁶ Г. Ф. Дебец. Могильник железного периода у с. Зарубино.— «Бурятияведение», 1926, № 2.

⁷ А. П. Окладников. Древняя тюркская культура в верховьях Лены.— «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», в. XIX. М.—Л., 1948; *его же*. История Якутской АССР, т. 1, с. 299—320; *его же*. Шишкинские писаницы. Памятник древней культуры Прибайкалья. Иркутск, 1959, с. 110—155; А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писаницы. М.—Л., 1959, с. 119—129.

⁸ А. П. Окладников. История Якутской АССР, т. 1, с. 322; *его же*. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье.

скалах, отличающиеся по стилю и содержанию от писаниц курумчинского времени⁹.

Вместе с тем А. П. Окладников подчеркивает, что было бы неправильно полагать, будто монголоязычные племена могли целиком вытеснить здесь своих тюркских предшественников и уничтожить все следы их длительного пребывания в Прибайкалье. Тюрко-монгольские взаимоотношения этого времени, как он показал, имели сложный характер, что отразили, в частности, писаницы нового стиля. Они одновременно свидетельствуют об упадке и разложении древнего курыканского искусства и об известной непрерывности его традиции. Поэтому А. П. Окладников приходит к выводу, что на Лене долгое время еще продолжали обитать потомки древних курыкан, лишь постепенно растворившиеся в пришлой массе монголов, которые не остались свободными от влияния своих тюркских соседей. Такое предположение, по словам А. П. Окладникова, поддерживается антропологическими, лингвистическими и этнографическими фактами, показывающими, что в результате взаимодействия пришлых монгольских племен с тюркскими аборигенами на территории Прибайкалья возникают новая культура и новая народность¹⁰.

Вместе с тем, как наглядно продемонстрировал А. П. Окладников, отдельные этнокультурные особенности современной бурятской народности уходят своими корнями не только в VI—X вв. (курыканская культура), но и могут быть прослежены до бронзового века; из этого факта следует исключительно важный для истории Прибайкалья вывод об устойчивости коренного населения этих районов, об определенной непрерывности этнографических традиций¹¹.

В 50-е годы проблема этногенеза бурят получила дальнейшую разработку. Большую роль в этом сыграло совещание, посвященное проблемам истории Бурятии, проведенное в 1952 г. в Москве институтами этнографии, востоковедения и истории АН СССР и Бурят-Монгольским научно-исследовательским институтом культуры.

На совещании со специальным докладом по этногенезу бурят выступил Г. Н. Румянцев¹². Основные мысли, высказанные здесь, получили развитие в последующих работах ученого¹³. Высоко оценивая значение трудов А. П. Окладникова, Г. Н. Румянцев вместе с тем оспаривал некоторые его положения, в частности вопрос о времени появления монголоязычных племен в Прибайкалье. Он считал, что переселение в Прибайкалье монголоязычных племен в XI в. не исключает того факта, что монгольские племена жили на Ангаре и Лене еще в древности. Основываясь на данных анализа анималистической терминологии бурят, эвенков и самодийцев, Г. Н. Румянцев выдвинул гипотезу о возможности обитания монголоязычных племен в Прибайкалье еще во II тысячелетии до н. э.¹⁴ Курьканская концепция А. П. Окладникова, в целом правильно объясняющая, по его мнению, один из исходных моментов сложного исторического процесса формирования бурят и якутов, в некоторых вопросах нуждается в уточнении. Г. Н. Румянцев считал, что сходства в мате-

⁹ А. П. Окладников. Шишкинские писаницы, с. 170—173.

¹⁰ А. П. Окладников. История Якутской АССР, т. I, с. 322—325; *его же*. Шишкинские писаницы, с. 156—176.

¹¹ А. П. Окладников. Образ птицы в искусстве бронзового века Забайкалья и его аналогии в народном искусстве бурят.— «Сов. этнография», 1954, № 1; *его же*. Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1974, с. 120, 121.

¹² Г. Н. Румянцев. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа.— «Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского ин-та культуры», в. XVII, Улан-Удэ, 1953.

¹³ «История Бурят-Монгольской АССР», т. I. Улан-Удэ, 1954, с. 29—89; Г. Н. Румянцев. О некоторых вопросах этногенеза монголов и бурят. М., 1960; *его же*. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962.

¹⁴ Г. Н. Румянцев. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа; *его же*. Происхождение хоринских бурят, с. 141, 142.

риальной культуре и общественном строе курыкан и тюрков недостаточно для доказательства их этнического родства, так как оно могло быть вызвано общими историческими и географическими условиями. Что касается рунической письменности у курыкан, то она могла появиться в результате заимствования. Поэтому вывод о том, что курыкане — потомки тюрков по языку, преждевременен¹⁵. Лингвистический материал, по его мнению, дает возможность иного решения. Он указывал, что этнонимы *курукан* в орхонских надписях, *гулигань* в китайских летописях, *фури* у Гардизи и Худуд аль-Алема, *кури* у Тахира Марвази и Ауфи имеют большое сходство с некоторыми монгольскими племенными названиями (*хори*, *хорчин*, *хурумши*, *хорлос*, *хорхон*), а также с якутским и тибетским названиями монголов — *хор*. Все это, по его мнению, не может быть случайным¹⁶. Он полагал, что «хор, вероятно, было общим наименованием большой группы древних протомонгольских племен, расселенных на большом пространстве от Прибайкалья до Восточной Монголии»¹⁷. Таким образом, Г. Н. Румянцев, решая вопрос об этнической принадлежности курыкан, выдвинул на первое место «лингвистически монгольский облик этнонима», легко отождествимого с названиями многих монгольских племен, имеющих корень «хор», считая, что именно это обстоятельство может иметь при решении вопроса основное значение¹⁸. В результате он счел возможным выдвинуть тезис о монгольском происхождении основного ядра курыкан, допуская, что в составе этого племенного союза могли быть иноплеменные, в том числе тюркские, включения¹⁹. Таким образом, Г. Н. Румянцев по ряду вопросов этногенеза бурят занял иную позицию, чем А. П. Окладников.

В начале 50-х годов С. А. Токарев в работе, посвященной этногенезу бурят, поддержал мнение Окладникова о том, что курыкане были тюркоязычным народом²⁰. В отличие от Г. Н. Румянцева он считает недоказанным монголизм гуннов, сяньбийцев, жужаней. «Собственно монголы, — пишет С. А. Токарев, — давшие впоследствии свое имя величайшей, хотя и недолговечной империи, а в научной терминологии — целой семье языков и даже одной из трех основных рас человечества, первоначально представляли собой, видимо, небольшое племя»²¹.

Тюркская этническая принадлежность курыкан не вызывала сомнений и у Б. О. Долгих, который считал их прямыми предками эхиритовбулагатов. Если булагаты были монголизированы задолго до прихода русских, то эхириты, по его мнению, еще в XVII в. говорили на тюркском языке²².

Отдельные стороны проблемы этногенеза бурят, в частности вопрос об этнической принадлежности курыкан, были освещены в результате исследований археологических памятников средневековья в Западном Забайкалье. Полученный материал показал не только значительное сходство памятников уйгурского времени с курыканскими, но и наглядно проиллюстрировал постепенное проникновение в местную культуру новых черт, связанных с появлением здесь монголоязычных племен²³.

Помимо названных выше работ обобщающего характера, по данной проблеме имеются также антропологические и языковедческие исследования.

¹⁵ Г. Н. Румянцев. Происхождение хоринских бурят, с. 117—120, 129.

¹⁶ Там же, с. 120, 121.

¹⁷ Там же, с. 128.

¹⁸ Там же, с. 243, 244.

¹⁹ Там же, с. 244.

²⁰ С. А. Токарев. О происхождении бурятского народа.— «Сов. этнография», 1953, № 2, с. 38.

²¹ Там же, с. 40.

²² Б. О. Долгих. Некоторые вопросы древней истории западных бурят.— «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее — КСИЭ), в. XVIII, 1953.

²³ Е. А. Хамзина. Археологические памятники Западного Забайкалья. Улан-Удэ, 1970.

Первые публикации по антропологии бурят появились в конце XIX в.²⁴. Среди работ дореволюционного периода наиболее значительными были исследования Ю. Д. Талько-Грынцевича; результаты их были опубликованы в основном уже в советское время²⁵. В 40—50-е годы советские ученые собрали новые антропологические данные по отдельным группам бурят²⁶. Однако весь накопленный материал был фрагментарным и не давал возможности охарактеризовать антропологический тип бурят в целом. Новые соматологические исследования, начатые летом 1956 г. И. М. Золотаревой среди основных территориальных групп бурят²⁷, позволили в значительной мере восполнить имеющиеся пробелы.

Собранный материал, в частности, дал основание для вывода о принадлежности бурят в целом к одному, центральноазиатскому антропологическому типу, что, по мнению И. М. Золотаревой, не допускает возможности сколько-нибудь значительного участия представителей других антропологических типов в формировании бурятской народности²⁸. Однако сказанное, по ее словам, не исключает известной вариативности комплекса признаков по различным территориальным группам.

Следует отметить, что на неоднородность физического типа бурят антропологи обращали внимание и раньше. Внутри центральноазиатского типа выделен особый «ангаро-ленский» вариант, объединяющий западных бурят и якутов²⁹. Исследования, проведенные И. М. Золотаревой, позволили несколько уточнить эти данные. Выяснилось, что западные буряты отличаются от забайкальских, и эти группы не могут рассматриваться как нечто единое в антропологическом отношении³⁰.

За последние годы литература по этногенезу бурят пополнилась рядом лингвистических исследований. Отрадно отметить, что такой важный источник для этногенетических исследований, как язык, раньше привлекаемый лишь попутно как вспомогательный материал, наконец стал объектом специального изучения в интересующем нас аспекте. Однако достоверность результатов подобных работ во многом зависит от того, насколько исследователь сумеет увязать свои лингвистические решения с данными других дисциплин. Например, попытка Т. А. Бертагаева доказать монголоязычность курыкан, основанная лишь на внешнем созвучии слов «курыкан» и «бурят»³¹, вызвала справедливые возражения прежде всего со стороны лингвистов³². Ц. Б. Цыдендамбаев, напро-

²⁴ И. И. Шендриковский. Материалы к антропологии бурят (селенгинцев). СПб., 1894; М. Г. Порохов. К антропологии бурят. Буряты-аларцы. СПб., 1895.

²⁵ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Материалы по антропологии и этнографии Центральной Азии.— «Записки АН СССР по физ.-мат. отд.», т. XXXVII, № 2, 1926.

²⁶ Я. Я. Рогинский. Материалы по антропологии тунгусов Северного Прибайкалья.— «Антропологический журнал», 1934, № 3; Г. Ф. Дебец. Антропологические исследования аларских бурят.— КСИЭ, в. IV, 1948; М. Г. Левин. К антропологии Южной Сибири.— КСИЭ, в. XX, 1954.

²⁷ И. М. Золотарева. Некоторые данные по этнической антропологии населения Забайкалья.— «Записки Бурят-Монгольского НИИК», в. XXIV, 1957, с. 203—240; *ея же*. Антропологическое исследование бурят.— «К 35-летию Института культуры». Улан-Удэ, 1958, с. 95—108; *ея же*. Антропологический тип современных бурят. «Вопросы антропологии», в. 5, 1960, с. 98—108; *ея же*. Этническая антропология бурят.— «Этнографический сборник», в. 1. Улан-Удэ, 1960.

²⁸ И. М. Золотарева. Антропологический тип современных бурят, с. 108.

²⁹ Г. Ф. Дебец. Антропологические исследования в Камчатской области. М., 1951, с. 81; М. Г. Левин. Древние переселения человека в Северной Азии по данным антропологии.— «Происхождение человека и древнее расселение человечества». М., 1951, с. 492, 493.

³⁰ И. М. Золотарева. Антропологический тип современных бурят, с. 106, 107.

³¹ Т. А. Бертагаев. Об этнонимах бурят и курыкан.— «Этнонимы». М., 1970, с. 130—133; *ея же*. Этнолингвистические этюды о племенах Центральной Азии.— «Исследования по истории и филологии Центральной Азии», в. VI. Улан-Удэ, 1976, с. 34, 35, 39.

³² Ц. Б. Цыдендамбаев. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972, с. 272—274.

тив, исходит из того, что протобуряты формировались в условиях тюркского господства. Он впервые высказал и конкретно обосновал предположение о том, что этноним «бурят» не монгольское, а скорее древнетюркское слово буре (бурю) — волк. «Объясняя этимологию слова бурят, — пишет он, — мы исходим из того, что носители этнонимов, так или иначе восходящих к названию волка, должны иметь протомонгольское происхождение, поскольку тотем «волк» в пределах нашего ареала был присущ прежде всего им. Одно из таких племен, вероятно, еще в середине первого тысячелетия попав в зависимость от тюркских племен и в известной мере испытав ассимилирующее влияние их в течение сотен лет, вплоть до возвышения монголов, сменило свое прежнее название на соответствующее ему тюркское, в результате чего и возник этноним бурет или бурят»³³. По мнению Ц. Б. Цыдендамбаева, «господство тюрков над первыми протобурятами сказалось не только в передаче раннего монголоязычного названия последних соответствующим тюркоязычным, но и в смене прежнего их протомонгольского тотема чино — «волк» на древнетюркский буква — «бык-производитель»³⁴. При лингвистическом анализе названий некоторых родов, таких как *галзуут*, *шарайт*, другого крупного бурятского племени — *хори* Ц. Б. Цыдендамбаев открыл их вероятную связь с наименованием родового тотема — собаки³⁵. По его мнению, предки хоринцев также очень долгое время находились в экзогамных, взаимобрачных и вместе с тем в зависимых отношениях с тюрками, имевшими тотем ку (или куба) — «лебедь»³⁶.

Непосредственный интерес для нашей темы представляют также работы специалистов по этногенезу некоторых других народов, особенно якутов. Так, известный якутский лингвист Н. К. Антонов в одной из работ указал, что у якутов во времена первого соприкосновения с северной таежной природой не было необходимости создавать свою собственную «лесную» терминологию. Они оказались среди монгольских племен, от которых и восприняли терминологию, связанную с хозяйственным освоением северной природы. Монгольские племена, по мнению автора, жили там задолго до образования государства орхонских тюрков³⁷. Интересны также результаты проведенного Н. К. Антоновым анализа ряда социальных терминов. «Создается впечатление, — пишет он, — что в обществе древних якутов с родовым строем богатую, господствующую, прослойку населения составляли тюркоязычные племена, а бедная, трудящаяся, подчиненная сторона была преимущественно монголоязычной. Эта бедная трудящаяся часть населения внесла в якутский язык монгольские слова о бедных слоях населения, второстепенных женах, наложницах, челяди, о детях, за которыми она ухаживала»³⁸. Хотя указанная работа не посвящена специально проблеме этногенеза бурят, но, как видно из сказанного, некоторые ее выводы имеют непосредственное отношение к ней, в известной степени перекликаясь с результатами работы Ц. Б. Цыдендамбаева. Нам представляется целесообразным также кратко изложить результаты ряда исследований последних лет, посвященных этногенезу монголов в целом, так как вопросы этногенеза бурят в конечном счете связаны с общей проблемой происхождения монгольских народов. Многие исследователи, особенно монгольские, в качестве прямых предков монголов рассматривают племена хунну³⁹. Вместе с тем, как показал

³³ Там же, с. 278, 279.

³⁴ Там же, с. 280, 281.

³⁵ Там же, с. 194—198, 220.

³⁶ Там же, с. 222, 225.

³⁷ Н. К. Антонов. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971, с. 76, 80, 144, 145.

³⁸ Там же, с. 121.

³⁹ «История Монгольской Народной Республики». М., 1967, с. 54; Г. Сухбаатар. К вопросу об этногенезе монголов. — «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии». Улан-Батор, 1974.

критический анализ существующих точек зрения о языковой принадлежности хунну, проблема остается весьма спорной и требует дальнейшего изучения⁴⁰.

Более обоснована гипотеза о возможной связи протомонгольских племен с другой крупной этнической группировкой древности, известной по данным китайских источников,— *дун-ху*, непосредственными потомками которых считаются сяньбийские племена⁴¹.

Следует отметить, что и другая сторона проблемы — вопрос о времени формирования бурятских племен в единую народность — также остается спорной.

Мнение о том, что буряты составляли единую народность еще до прихода русских, наиболее решительно отстаивал С. А. Токарев, аргументируя этот вывод существованием у них общего имени — буряты. Он отмечал, что восточные буряты, как и западные, во всех документах XVII в. называются «брацкими людьми»⁴².

Однако многие исследователи придерживаются на этот счет другого мнения. Б. О. Долгих считал, что если предки бурят в многочисленных русских документах XVII в. называются «братскими людьми», это несколько не означает, что они сами называли себя бурятами. Так их называли русские, которые эти документы писали⁴³. Таким образом, по его мнению, «одна из главных причин того, что группа монголоязычных племен образовала новую бурятскую народность, а не стала, например, частью монгольского народа, заключается, как мы уже указывали, в том, что все эти племена предков бурят вошли в состав Русского государства». По его мнению, «этническая граница между бурятской и монгольской народностями совпала с государственной границей между Россией и Монголией» не случайно⁴⁴.

Е. М. Залкинд также отверг тезис о возможности существования общего самоназвания бурят до прихода русских, считая вполне естественным, что в челобитных буряты называли себя именем, принятым у русских⁴⁵. Однако он считал, что решение проблемы о времени сложения бурят в единую народность не должно сводиться лишь к вопросу о распространении среди них общего самоназвания. Он призывает обратить внимание прежде всего на такие критерии, как общность территории, языка, культурного склада, экономической жизни и особенно уровень социально-экономического развития общества⁴⁶. Подробный разбор всех указанных факторов дал основание Е. М. Залкинду для вывода, что процесс сложения бурятской народности завершился лишь после присоединения территории, занимаемой бурятами к России⁴⁷.

Ц. Б. Цыдендамбаев также считает, что именно с приходом русских в Восточную Сибирь создались благоприятные условия для консолидации доселе разрозненных бурятских родов и племен в единую народность⁴⁸.

⁴⁰ L. Doerfer. Zur Sprache der Hunnen.— «Central Asiatic journal», v. 17, № 1. Wiesbaden, 1973, p. 1—50.

⁴¹ Л. Лигети. Рецензия на книгу Г. Д. Санжеева «Сравнительная грамматика монгольских языков». — «Вопросы языкознания», 1955, № 5; Л. Л. Викторова. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV в. до н. э.— XII в. н. э.— «Уч. записки ЛГУ» (серия востоковед. наук), № 256, 1958; *её же*. Ранний этап этногенеза монголов. Автореф. канд. дис. Л., 1961; Т. Jitsuzo. The legend of the origin of the mongols and problem concerning their migration.— «Acta asiatica», t. 24. Tokyo, 1973.

⁴² С. А. Токарев. Указ. раб., с. 47.

⁴³ Б. О. Долгих. Некоторые данные к истории образования бурятского народа.— «Сов. этнография», 1953, № 1, с. 62; *её же*. Некоторые ошибочные положения в вопросе об образовании бурятского народа.— «Сов. этнография», 1954, № 1, с. 62.

⁴⁴ Б. О. Долгих. Некоторые данные к истории образования бурятского народа, с. 61, 62.

⁴⁵ Е. М. Залкинд. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958, с. 150, 151.

⁴⁶ Там же, с. 133, 134, 148—152.

⁴⁷ Там же, с. 152—164.

⁴⁸ Ц. Б. Цыдендамбаев. Указ. раб., с. 293.

Иную позицию занимал по этому вопросу Г. Н. Румянцев, который писал, что «к приходу русских в Восточную Сибирь в начале XVII в. бурятские племена ... уже составляли народность, о чем свидетельствует общее имя — буряты, которое их объединяло. Они стояли на одной ступени социально-экономического развития и имели одинаковую культуру, которая при всех местных различиях представляла собою определенную этнографическую общность»⁴⁹. Однако сказанное им можно отнести только к племенам Западного Прибайкалья, так как, по его же свидетельству, хоринцы (одно из основных племен Забайкалья в XVII в) сами себя бурятами не называли⁵⁰.

Таким образом, к настоящему времени большинство ученых придерживается мнения, что процесс сложения бурят в единую народность завершился лишь после присоединения их к России.

Наиболее спорным остается вопрос о том, какие этнические группы приняли участие в этногенезе бурят, в особенности на его раннем этапе. На этот счет существуют разные точки зрения.

А. П. Окладников, С. А. Токарев и некоторые другие исследователи исходят из того, что автохтонное ядро бурятской народности в Прибайкалье до XI в. составляли тюркские племена, вероятнее всего так называемые курыканы. Последние примерно в XI—XIII вв., в период всеобщего возвышения монголов в этом районе, частью были оттеснены на север, став основой будущей якутской народности, а частью смешались с монголоязычными пришельцами с верховьев Амура, берегов Онона и Керулена, в результате чего и образовалась бурятская народность.

Г. Н. Румянцев, наоборот, считал именно монголоязычное ядро коренным в Прибайкалье, пытаясь проследить его генетическую связь еще с энеолитическим населением Ангары и Лены. Более того, последовательно отстаивая монголизм гуннов, сяньбийцев, жужаней, курыкан, киданей, он пришел к выводу о широком расселении монголоязычных племен начиная по крайней мере с VI в. н. э. на территории, примыкающей к Байкалу, и далее к востоку.

Ц. Б. Цыдендамбаев, основываясь главным образом на лингвистических материалах, пришел к заключению, что две основные группы современных бурят — булагаты и хоринцы — берут свое начало от прото-монголов сяньбийского времени, став первыми протобурятскими племенами. Причем последние, как подчеркивает он, развивались в условиях господства тюркских племен. В целом эта точка зрения занимает как бы промежуточное положение по отношению к двум названным выше.

Рассмотренные нами материалы по этногенезу бурят показывают, что эта проблема еще далека от окончательного решения и требует дальнейшей разработки на основе комплексного изучения различных видов источников. Вместе с тем в свете накопленных материалов, в особенности опубликованных в последние годы, некоторые основные вопросы этногенеза бурят представляются следующим образом.

Во-первых, не подлежит сомнению сложный этнический состав бурятского народа. Это подтверждается также материалами по бурятской ономастике. Анализ названий родо-племенных подразделений бурят позволяет говорить о наличии в их составе тюркских, тунгусских, самодийских и прочих компонентов⁵¹. Топонимия также свидетельствует о следах деятельности в прошлом на современной территории расселения

⁴⁹ «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, с. 56.

⁵⁰ Г. Н. Румянцев. Происхождение хоринских бурят, с. 210.

⁵¹ Г. Н. Румянцев. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа, с. 30—62; Т. А. Бергагаев. Этнолингвистические этюды..., с. 34—39; Ц. Б. Цыдендамбаев. Указ. раб.

бурят не только монголоязычных, но и тунгусоязычных, тюркоязычных, самодийских, кетоязычных, ираноязычных племен⁵².

Во-вторых, бесспорным является и тот факт, что основным ядром народности, ассимилировавшим и объединившим вокруг себя разноязычные этнические группы, явились монголоязычные племена. Вопрос об их происхождении является основным в этногенезе бурят. Новейшие исследования данного вопроса дают все больше оснований для заключения, что монголоязычные племена, считающиеся характерными представителями хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов степной зоны, не являются исконными степными жителями. Они переместились в степи из лесной зоны, где вели подвижный охотничий образ жизни и заимствовали у своих степных соседей — тюрков — многие элементы материального быта (включая терминологию), связанные с условиями жизни в степи⁵³. По всей вероятности, ареал распространения лесных монголоязычных племен еще в древности включал территорию Прибайкалья. Хотя предположение о пребывании монголоязычных племен в Прибайкалье с энеолитического времени не может считаться окончательно доказанным, однако есть все основания полагать, что какие-то группы монголоязычных племен — протобуряты, жили здесь еще до эпохи возвышения монголов в Центральной Азии. Это косвенно подтверждается «Сокровенным сказанием» и летописями Рашид-ад-Дина, в которых имеются сведения о бурятах, хори, баргутах, булагачинах и др. обитавших вблизи Байкала в дочингизову эпоху⁵⁴.

Древнемонгольская основа таких племен, как хори и булагат, подтверждается и данными лингвистики⁵⁵. В то же время так называемые курыкане — носители курумчинской культуры в Прибайкалье (VI—IX вв. н. э.), тюркскую этническую принадлежность которых можно считать, как уже отмечалось выше, вполне установленной, — характеризуются как скотоводы и земледельцы⁵⁶, резко отличавшиеся от «лесных племен». Весьма вероятна генетическая связь курыкан с населением «плиточных могил» степей Центральной Азии — развитыми скотоводами эпохи бронзы, часть которых во время экспансии хунну была вытеснена в Прибайкалье⁵⁷.

В древнетюркский период история древнемонгольских племен в Прибайкалье оказалась тесно связанной с соседними тюркскими племенами, в первую очередь с курыканами. Монголоязычные племена, находившиеся в тот период, по всей вероятности, в подчинении у тюрков, очевидно, подверглись значительной ассимиляции со стороны последних⁵⁸.

В период возвышения монголов в Центральной Азии, когда на территорию Прибайкалья проникли новые группы монголоязычных племен, уже перешедших к тому времени к кочевому скотоводству, монголы

⁵² Г. М. Василевич. Топонимика Восточной Сибири.— «Известия Всес. географического о-ва», т. 90, в. 4. Л., 1958; М. Н. Мельхеев. Топонимика Бурятии, Улан-Удэ, 1969; Э. М. Мурзаев. Очерки топонимики. М., 1974.

⁵³ А. М. Щербак. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.— «Вопросы языкознания», 1966, № 3; С. И. Вайнштейн. Происхождение и историческая этнография тувинского народа. Автореф. докт. дис. М., 1969; его же. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии. Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Чикаго. М., 1973; его же. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии.— «Сов. этнография», 1976, № 4; Л. Р. Кызласов. Ранние монголы.— «Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века». Новосибирск, 1975.

⁵⁴ С. А. Козин. Сокровенное сказание. М.— Л., 1941, с. 79, 80, 174, 175; Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1. М., 1952, с. 118—127.

⁵⁵ Ц. Б. Цыдендамбаев. Указ. раб., с. 194—199, 274—286.

⁵⁶ А. П. Окладников. Древняя тюркская культура в верховьях Лены.

⁵⁷ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. 3. М., 1955, с. 10; Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958.

⁵⁸ Ц. Б. Цыдендамбаев. Указ. раб., с. 194—231, 274—292.

вновь заняли доминирующее положение среди древнебурятских племен. Именно эта вторая волна монголоязычных племен в Прибайкалье, ассимилировавшая древнетюркские и древнемонгольские племена (испытывавшие к тому времени уже значительное воздействие со стороны тюрков), определила характер культуры и языка бурятской народности. Вместе с тем необходимо отметить, что именно у бурят, в отличие от остальных монгольских племен наиболее долго сохранялась древняя «лесная» культура монголоязычных племен, характерная для них до выхода в степи и формирования ХКТ кочевых скотоводов степной зоны.

В последующие эпохи шел интенсивный процесс формирования бурятской народности, завершившийся уже после прихода русских в Восточную Сибирь. Именно в этот период в состав бурят были включены отдельные группы собственно монгольских племен, вышедших из Северной Монголии, а также отдельные группы тунгусов. Окончательно процесс этногенеза бурят завершился в XIX в.
